

Великая культура великой войны

В.Н. Лексин

Постановка проблемы

Как часто в разговорах о Великой Отечественной войне можно услышать слова «чудо Победы»! У меня это словосочетание вызывает удивление. Наша победа менее всего была чудом, необъяснимо случившимся вопреки обычной логике обстоятельств. Германия и соединившиеся с ней страны Европы в противостоянии с СССР изначально были обречены на поражение, поскольку им противостояла духовная консолидация людей вокруг идеи защиты общего Отечества. И только это с первого до последнего дня войны оправдывало невероятные тяготы каждодневного ратного и тылового труда. Все это время наших людей физически губил не страх поражения, а снаряды и бомбы, мины и пули, газовые камеры и машины-душегубки, изготовленные на заводах Европы. С первых дней войны не переставали звучать слова: *«Смерть немецким оккупантам! Победа будет за нами!»* И страна продолжала полнокровно жить в преддверии этой победы и на передовой, и в блокадном Ленинграде, и в глубоком тылу. Одним из подтверждений этого можно считать интенсивную культурную жизнь военных и первых послевоенных лет, плоды которой были намного обильней культурного феномена пресловутой «оттепели» 60-х гг.

Я отчетливо помню мое военное детство, когда искусство доходило до нас через плакаты, «Боевые киноальбомы» и газеты (мы получали «Красную звезду»), через довоенные и новоизданные книги и, главное, через большой черный репродуктор, транслировавший не только сводки военных действий, но и «театр у микрофона», выступления известнейших артистов и другие замечательные взрослые и детские передачи. Естественно, что в тылу о войне не забывали никогда, и для самых юных С.Я. Маршак писал: *«Ты каждый раз, ложась в постель, / Смотри во тьму окна¹ / И помни, что метет метель, / и что идет война»*. И неудивительно поэтому, что первая самостоятельно купленная мною книга (на деньги подаренные ко дню рождения), конечно же, называлась «Война» и состояла из множества только что опубликованных под одной обложкой газетных статей, написанных И.Г. Эренбургом за одиннадцать первых месяцев войны².

То, чем была в действительности отечественная культура военных лет, мне стало ясно позже — в первые послевоенные десятилетия, когда были прочита-

¹ Напомню, что в годы войны города, доступные вражеской авиации, не освещались ни уличными фонарями, ни светом фар, ни светом из окон домов (это называлось «светомаскировка»).

² *Эренбург И.Г.* Война. Июнь 1941 г. – апрель 1942 г. // М.: Гослитиздат, 1942. 384 с. Тираж — 75 000 экземпляров. Тираж 50 000 и более — обычный для того военного времени. Эта книга и сейчас у меня — самая зачитанная всеми соседями, школьниками и учителями.

ны лучшие книги о людях на войне, созданные М. Шолоховым и К.М. Симоновым, Ю.В. Бондаревым и Г.Я. Баклановым, В.В. Быковым и В.П. Некрасовым, когда были увидены такие шедевры киноискусства, как «Судьба человека» и «Они сражались за Родину», когда можно было увидеть в музеях и услышать в концертных залах и в грамзаписях созданное во время войны, когда были опубликованы исследования историков, мемуары наших и немецких военачальников, солдатские письма. Именно тогда у меня возникло, а с годами все более укреплялось осознание *громадности и уникальности* советской культуры военных лет. Да, в то время (как во все военные времена) было много излишне бравурного и, с позиций высокого искусства, нарочито плакатного, но это было время войны, спрессованное менее чем в четыре года напряжения всех сил, когда единственно нужным было «все для фронта, все для победы». И в это «все» входила и советская культура; и в ней было явлено столько высот художественного мастерства, столько зоркости военных очеркистов, столько роскошной музыки, что такому масштабу культурной деятельности может позавидовать любое другое время.

Вспомним для сравнения, как быстро отзвучали в русском искусстве фанфары Отечественной войны 1812 г., приглушенные нескрываемой любовью нашего «образованного общества» к столбику «с куклюю чугунной под шляпой с пасмурным челом, с руками, сжатыми крестом»; лишь через много десятилетий после лермонтовского «Бородино» об этой войне напомнил Л.Н. Толстой в «Войне и мире». Вспомним, как слабо отозвалась в нашем искусстве русско-турецкая война, художественно прокомментированная лишь одним В.В. Верещагиным. Кто назовет что-либо написанное «по горячим следам» Крымской войны 1853–1856 гг., кроме «Севастопольских рассказов» Л.Н. Толстого? Почти бесследно прошла мимо внимания творческой элиты России русско-японская война. Не прозвучала ни в массовой песне, ни в театральных постановках, ни в прозе, ни в поэзии Первая мировая война: искусство дореволюционной России словно ее не заметило. Было немало создано и «белыми» (в эмиграции), и победившими «красными» в литературе о Гражданской войне. Но почти все это (известное исключение — «Окаянные дни» И.А. Бунина) было написано *после* войны, в том числе и «Тихий Дон» М.А. Шолохова. Совершенно иной была культурная ситуация *непосредственно во время* Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: она была непохожей ни на одну предыдущую, поскольку стали иными народ этой войны и его Отечество. Стало конгениальным подвигу народа и наше искусство.

Естественно, что в предлагаемом тексте освещены далеко не все составляющие культурной жизни страны в 1941–1945 гг. Я практически ничего не пишу о расцвете в военные годы национальных культур, в том числе о подготовке и издании национальных эпосов, о выдающихся работах писателей, поэтов и композиторов Казахстана, Узбекистана и других союзных республик. Бегло упомяну о том, как советская власть сберегала тех, кого называли творческой интеллигенцией. Многие знают о небывалом в мировой истории стремительном перемещении промышленных предприятий с временно оккупированных территорий на восток, благодаря чему был не только сохранен и даже преумножен индустриальный потенциал страны, но и качественно преобразилась

экономика (а следовательно, и населенные пункты) восточных областей Центральной России, Урала и Сибири. К сожалению, значительно меньше известен опять же невиданный в истории государственно организованный переезд на восток и юг СССР не только бесценных образцов отечественного и зарубежного искусства из советских музеев, но и конкурсных (студенческих и дипломных) работ Академии художеств; не только уже состоявшихся композиторов и писателей, художников и поэтов, не только известных театральных коллективов, но и учеников художественных школ и балетных училищ. Там, во временной эвакуации, создавались шедевры музыки и живописи, там зарождались и крепились будущие прославленные центры культуры, там одаренные дети постигали тайны мастерства.

Искусство времени Великой Отечественной войны трудно, не обедняя его, расчленив на тематические рубрики — это единый поток, в котором слились и стихи, и проза, и массовая песня, и симфонии, и кинофильмы, и произведения художников, и очерки фронтовых корреспондентов, и кинохроника и фотографии фронтовых будней и жизни тыла. Это, по моему убеждению, единственный в истории мировой культуры пример естественного включения всех видов и жанров искусства в одну тему — уверенности в победе. Жаль, что до сих пор не издано детальное монографическое исследование культурной жизни страны в 1941–1945 гг. с отсылками к «первоисточникам», с массой иллюстраций и с приложением музыкальных записей³. И только поэтому я дерзнул предельно кратко, не называя сотен имен и не цитируя тысячи страниц, написать об этом небывалом явлении.

Масштаб книгоиздания

Сейчас это покажется невероятным, но за годы войны в СССР были выпущены миллионы экземпляров изданий только художественной литературы, в основном малоформатных (в том числе и для того, чтобы поместилась в кармане гимнастерки, в полевой сумке или в вещмешке). Только в первый год были выпущены сотни изданий беллетристики, из которых несколько десятков были представлены романами и повестями; остальное — самым нужным и читаемым жанром — очерком. Издавались «толстые» журналы, и, например, рассказ А.П. Платонова «Одухотворенные люди» впервые был опубликован в журнале «Знамя» (1942, № 11), его же «Сампо» — в журнале «Новый мир» (1943, № 2–3), «Железная старуха» — в журнале «Знамя» (1943 г. № 4), «В сторону заката солнца» — в журнале «Октябрь» (1943, № 4–5), «Маленький солдат» — в журнале «Дружные ребята» (1943, № 8–9).

³ Речь идет именно о «детальном монографическом» исследовании, о своеобразной энциклопедии культурной жизни страны в годы Великой Отечественной войны. Хотел бы напомнить, что в первые послевоенные годы было проведено, как будет видно и из перечня цитируемых источников в этой статье, много прекрасно выполненных исследований по отдельным направлениям культурной жизни в 1941–1945 гг. В последние десятилетия что-либо подобное стало редкостью.

Бесперебойно работали общесоюзные и республиканские издательства⁴. Кроме издательств военного профиля (Воениздат, Военно-морское издательство, Красный Воин) и издательств, публиковавших книги и брошюры политического характера (первое среди них — Государственное издательство политической литературы), а также известных «отраслевых» издательств (например, многопрофильный Соцэкгиз, Стройиздат, Государственное техническое издательство, Связьиздат, Сельхозгиз), печатали пользовавшиеся большим спросом книги и брошюры Государственное издательство медицинской литературы, «Советская наука», Государственное учебно-педагогическое издательство и Государственное издательство иностранных и национальных словарей.

Но больше всего издательств, как и до войны, работало на поле культуры. На обложках книг и брошюр советских и зарубежных авторов по-прежнему значились знакомые названия: Государственное издательство художественной литературы, Государственное издательство детской литературы, ОГИЗ, Правда, Советский писатель, Лениздат, Молодая гвардия, Московский большевик, Государственное издательство «Искусство», Государственное музыкальное издательство, Ленинградская книжная лавка писателей, Госкиноиздат, Издательство Академии архитектуры СССР, Академия наук СССР и МГУ. Функционировали самостоятельные издательства Всесоюзной Книжной Палаты, Государственной Третьяковской галереи, Государственного Литературного музея, Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, МХАТ им. М. Горького, Останкинского дворца-музея, Государственной Ленинградской филармонии (работала и во время блокады), Академического театра имени С.М. Кирова, Государственного музыкального театра им. В.И. Немировича-Данченко и даже Центральной театральной кассы.

В годы войны продолжали выпускать знаменитые книжные серии: «Библиотека поэта», «Библиотека учителя», «Библиотечка школьника», «Государственный Эрмитаж», «Документы и материалы», «Драматургия народов СССР», «Избранные романы и песни», «Классики русской философии», «Классики естествознания», «Массовая библиотека “Искусство”», «Материалы по истории мирового киноискусства», «Научно-популярная серия» и отдельно — «Научно-популярная серия. Биографии», «Памятники общественной мысли, издаваемые Институтом истории», «Писатели-патриоты великой родины», «Путеводитель по концертам», «Репертуарная библиотечка для художественной самодеятельности», «Русские полководцы», «Славянская библиотека», «Сокровища русского зодчества», «Философская серия», «Школьная библиотека» и «Школьная историческая библиотека».

А что издавали! Естественно предположить, что во время Великой Отечественной войны особой популярностью должны были пользоваться книги о героическом прошлом и настоящем страны. И так и было (привожу несколько

⁴ Перечень издательств и книжных серий, а также названий выпущенных в 1941–1945 гг. книг в значительной степени составлен по материалам, полученным мною от главного библиотекаря московской библиотеки им. Н.Г. Чернышевского Елены Михайловны Арлановой и главного библиотекаря этой же библиотеки Надежды Владимировны Анисимовой.

примеров книжного разнообразия). Напечатали отличный роман С.Н. Голубова «Багратион» (переиздается до сих пор), классические повествования академика Е.В. Тарле о войне 1812 г. (тоже переиздаются поныне), замечательную повесть Л.А. Кассиля «Великое противостояние», сборники статей и рассказов военных лет А.Н. Толстого и И.Г. Эренбурга, карманного формата «Заветы Суворова: сборник суворовских изречений», книгу А.Н. Новикова «В 1242 году», знаменитый роман В. Яна (В.Г. Янчевецкого) «Батый»⁵, исследование В.Л. Снегирева «Русский флот в Средиземном море: Поход Адмирала Ушакова (1798–1800)», книгу Б.Б. Кафенгауза «Внешняя политика России при Петре I», сборники «Отечественная война 1812 года» и «Русские писатели о пруссачестве», книгу «Героическая поэзия Древней Руси». Но не менее естественным было и то, что издаваемая в 1941–1945 гг. беллетристика не замыкалась в кругу военной тематики.

За четыре года войны были изданы (опять привожу только выбранное для примера): «Чистилище» и «Рай» Данте в переводе М.М. Лозинского (26 января 1946 г. «за образцовый перевод в стихах произведения Данте «Божественная Комедия» М.М. Лозинский был отмечен Сталинской премией Первой степени), стихи А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, В.А. Жуковского, Е.А. Баратынского, П.А. Вяземского и Ф.И. Тютчева, проза Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, Н.С. Лескова, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова и А.И. Куприна, книги М. Горького, К.Г. Паустовского и К.М. Станюковича, чудесная «Лесная капля» М.М. Пришвина. Отдельными изданиями вышли пьесы В. Шекспира в переводах Б.Л. Пастернака, переводы книг Р. Киплинга и Э. Сетон-Томсона, рассказов и повестей Ч. Диккенса, пьес Дж.Б. Пристли, стихотворений Г. Лорки, английских баллад и песен (в переводе С.Я. Маршака) и даже «Песни о Роланде» (в вольном переводе С. Боброва). Было подготовлено и начало издаваться полное собрание сочинений и писем А.П. Чехова, и вышел труд К.Д. Муратовой «А.П. Чехов: 1904–1944. Библиография». В 1944 г. вышло новое издание исторического повествования А.Н. Степанова «Порт-Артур». В 1943–1944 гг. П.П. Бажов добавляет в «Малахитовую шкатулку» издания «Ключ-Камень», «Сказы о немцах» и «Сказы об оружейниках». Появилась вторая часть «Двух капитанов» В.А. Каверина. Издавались книги и брошюры о деятелях русской культуры (в том числе прекрасно написанные ранее опальным С.Н. Дурылиным), музыкальные издательства печатали ноты не только популярной музыки, но и классики. Зимой 1941–1942 гг. в блокадном Ленинграде были изданы две первые части «Истории музыкальной культуры» Р.И. Грубера. Продолжали издаваться тома Большой советской энциклопедии.

С начала и до конца войны не прекращался выпуск книг для детей — и самых маленьких, и подростков. В разных издательствах было выпущено около 60 млн экземпляров таких книг, в том числе 25 млн экземпляров почти пятисот названий — в знаменитом «Детгизе». Вот некоторые примеры выпущенного этим издательством: «Жизнь животных в рассказах и картинках по А. Брэму

⁵ За первый из серии этих романов — «Чингиз-хан» — В. Яну в 1942 г. была присуждена Сталинская премия СССР.

(1941 г.), «Приключения Гекльберри Финна» Марк Твена (1942 г.), «Всадник без головы» Майн Рида (1943 г.), «Дерсу Узала» В.К. Арсеньева с иллюстрациями Е. Чарушина (1944 г.), «Морской охотник» Н.К. Чуковского (1945 г.)⁶. Напомню, что в 1943 г. в СССР была проведена первая (затем они стали ежегодными) Всесоюзная неделя детской книги. Все перечисленное — лишь малая часть созданного в военные годы трудом писателей и редакторов, корректоров и наборщиков, иллюстраторов и переплетчиков, наконец, работников разветвленной книжной сети. И все это, как и многое неназванное, распространялось по всем библиотекам и книжным магазинам страны. Новые книги были нарасхват даже в блокадном Ленинграде, где также не прекращали свою деятельность издательства.

Библиотекам военного времени пришлось испытать все его тяготы и в очередной раз стать подлинным защитником, хранителем и пропагандистом культуры сражающегося народа. Работникам библиотек удалось вывезти с оккупированных территорий лишь малую часть фондов, и еще некоторую их часть спрятали сами библиотекари. Оккупанты хорошо понимали значение печатного слова в жизни нашего народа, и не музеи, а библиотеки стояли первыми в немецких приказах о вывозе и уничтожении культурных ценностей. За годы войны немцы полностью уничтожили или разрушили 43 тысячи массовых, 82 тысячи школьных и более четырехсот вузовских библиотек — каждую вторую в стране, а то, что посчитали ценным, перевезли в Германию. Создание в 1943 г. Госфонда литературы позволило в какой-то степени восстановить их сеть, а через пять лет после окончания войны число библиотек более чем на 10% (почти на 30 тысяч) превысило довоенный уровень⁷.

Во время войны библиотеки работали и в прифронтовой полосе, и в тылу. На предприятиях и в госпиталях действовали пункты выдачи книг. В библиотеках была организована беспрецедентная по уровню и масштабам библиографическая деятельность. Всесоюзная книжная палата и крупнейшие библиотеки выпускали указатели литературы по различным аспектам (в первую очередь — военным) жизни того времени. Например, в Молотове (теперь — Пермь) был создан ценнейший библиографический указатель «Урал в Великой Отечественной войне», а в Москве — 10 указателей литературы «Великая Отечественная война». И вполне заслуженно в 1944 г. специальным постановлением Совета Народных Комиссаров СССР была повышена заработная плата работникам библиотек.

Книгоиздательская и библиотечная деятельность военной поры замечательно иллюстрирует, но совсем не исчерпывает масштаб и полнокровность культурного явления, которое я не могу назвать иначе, чем искусство победы. И далее я приведу несколько подтверждений этого, опять же в вынужденно кратком изложении.

⁶ Книга для детей, созданная трудом писателей, художников и издательств военного времени, была замечательно представлена на выставке «Одолеем Бармадея!» — издания для детей 1941–1945 гг., организованной в апреле 2015 г. Государственной публичной исторической библиотекой России в Москве.

⁷ Библиотека в СССР // Советская энциклопедия. 3 изд. М., 1970. Т. 3. С. 301–303.

Искусство в газете

Во время войны газеты стали главным видом печати и главным полем приложения сил искусства не только военной журналистики, но и поэзии, прозы и даже драматургии⁸. Кроме так называемых центральных газет («Правда», «Известия», «Красная звезда», «Красный флот» и нескольких других) вооруженными силами СССР издавались со строжайшей периодичностью газеты фронтов, флотов и ВВС флотов, округов, армий, флотилий, корпусов, дивизий, бригад, районов ПВО, краснофлотские (матросские), на языках народов СССР, для населения оккупированных врагом советских территорий, для населения европейских стран и для войск противника. Суммарный разовый тираж этих газет составлял почти 6,5 млн экземпляров. Кроме того, военные журналисты и художники участвовали в выпуске вооруженными силами страны политических, военных, литературно-художественных, иллюстрированных (на русском и немецком языках), а также юмористических журналов разовым тиражом почти в 2 млн экземпляров. Всего выходило 1433 наименования фронтовых газет и журналов общим разовым тиражом около 8,5 млн экземпляров⁹. В штаты военных газет и журналов, кроме должностей журналистов, были включены и должности писателей. При том что на фронтах работали десятки профессиональных фотожурналистов¹⁰, военные «газетчики», как пелось в популярной песне, не расставались с «лейкой¹¹ и блокнотом», совмещая труд журналиста и фотокорреспондента. В годы войны коллектив фронтовых журналистов насчитывал около 9 тысяч человек, из которых сотни погибли или были ранены¹². Сотни фронтовых журналистов были награждены орденами и медалями, а четверо — С.А. Борзенко, Муса Джалиль, В.С. Омелянюк и Я.И. Чапичев — стали Героями Советского Союза¹³. Многие из напечатанного во фронтовых газетах и журналах — не только достоверное свидетельство и его объективный анализ, но и высокое искусство¹⁴, и жаль, что оно практически забыто.

Газеты военного времени постоянно печатали стихи и прозу, и надо ли напоминать, что «Жди меня» К.М. Симонова было опубликовано в феврале 1942 г. в главной газете страны — «Правде», а первые главы «Василия Теркина» А.Т. Твардовского — в том же году в «Красной звезде»? Большие произведения газеты печатали «с продолжением»; так, в 1942 г. в нескольких номерах «Правды» печаталась пьеса (!) «Русские люди» К.М. Симонова и «Фронт» А.Е. Корнейчука. В «Правде» же были опубликованы «Пулковский меридиан» В.М. Ин-

⁸ *Попов Н.П., Горохов Н.А.* Советская военная печать в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. М.: Воениздат, 1981. С. 416.

⁹ Военная печать // Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1975. С. 141–144.

¹⁰ *Грабельников А.А.* Фотожурналистика Великой Отечественной войны // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия В (Литературоведение. Журналистика). 2008. № 7. С. 123–129.

¹¹ Популярный фотоаппарат тех лет.

¹² *Корзинкин П.Д.* В редакцию не вернулся... М.: Издательство политической литературы, 2 изд. Т. 1–3. 1971–1972. 1270 с.

¹³ Военные корреспонденты // Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1975. С. 161.

¹⁴ *Бирюзов С., Батов П., Грибачев Н.* Журналисты на войне. Антология. М.: Воениздат, 1966. 422 с.

бер (1942 г.) и «Семья Тараса» («Непокоренные») Б.Л. Горбатова (1943), в газете «Известия» — «Радуга» В.Л. Василевской (1942 г.) и в том же году «Народ бессмертен» В.С. Гроссмана, в «Комсомольской правде» был напечатан «Февральский дневник» О.Ф. Берггольц. И все это — лишь отдельные примеры.

Особая среди газет военного времени, в которой работали и постоянно печатались известные писатели и журналисты, конечно же, — «Красная звезда», которую все называли «Звездочкой». Она выходила с декабря 1941 г. до конца войны под девизом «Смерть немецким оккупантам!», и в первом военном номере этой газеты (24 июня) была опубликована песня «Священная война», а через два дня песня «За Родину — вперед!», которые постоянно звучали по радио и пелись не только на фронтах, но и в школах, на предприятиях и дома. Именно «Звездочка» напечатала на пятый день войны очерк И.Г. Эренбурга «Гитлеровская орда», а затем и все его другие очерки, составившие книгу «Война». Именно в этой газете были впервые напечатаны очерк К.М. Симонова «Дни и ночи», «Рассказы Ивана Сударева» и «Русский характер» А.Н. Толстого, «Трое суток» Ю.М. Нагибина и «Мать» П.А. Павленко. В фронтовых газетах, на радио и в информационных агентствах военной поры, кроме известных всей стране писателей и поэтов (в их числе М.А. Шолохов, С.В. Михалков, А.А. Фадеев и Л.С. Соболев), работали около двух тысяч их коллег из всех союзных республик¹⁵.

Большинство фронтовых корреспондентов — добровольцы, и каждый седьмой — героически погиб без последующих принятых сейчас ритуальных радений по поводу «гибели журналиста». Погибли не только уже состоявшиеся писатели и поэты (в их числе А.П. Гайдар, М. Джалиль, Ю.С. Крымов и Е.П. Петров), но и подающие надежды — М.В. Кульчицкий, Н.П. Майоров, П.Д. Коган и их не менее талантливые сверстники. А сколько среди миллионов, погибших на этой войне, было тех, кто мог бы стать (и это подтвердили вернувшиеся с войны) славой нашей культуры и искусства!

Удивительны судьбы фронтовых писателей, на первый взгляд предельно далеких от батальных сюжетов. Так, А.П. Платонов, по идейным соображениям обруганный А.А. Фадеевым за рассказ «Впрок» («кулацкую хронику») и сегодня почитаемый моими коллегами преимущественно за «Чевенгур» и «Котлован», добился назначения специальным корреспондентом в «Красную звезду». Кроме ранее названных «толстых» журналов, печатавших А.П. Платонова в военные годы, в «Красной звезде» периодически появляются не только его «спецкоровские» заметки, но и «Мать (Взыскание погибших)», «Через реку», «Труженики войны», «Маленький солдат».

Не менее знаменателен переворот в поэтике Б. Пастернака после его соприкосновения с военной действительностью. Тогда он, абсолютно невоенный человек, писал в «Победителе»: *«Как он велик! Какой бессмертный жребий! / Как входит в цепь легенд его звено! / Все, что возможно на земле и небе, / Им вынесено и совершено»*. И позже уже не удивляют его слова о тех, с кем уже после войны «На ранних поездах» ездил в Москву: *«В них не было следов холопства, / Которые кладет судьба: / И новости, и неудобства / Они несли как господа»*.

¹⁵ Ортенберг Д. Время не властно. М.: Советский писатель, 1975. 370 с. (Д. Ортенберг — во время Великой Отечественной войны был главным редактором газеты «Красная звезда»).

Наука ненависти

Так назывался рассказ М.А. Шолохова, написанный и опубликованный в газете «Правда» в первую годовщину начала Великой Отечественной войны. Лейтенант Герасимов, один из героев этого рассказа, говорит: «И если любовь к родине хранится у нас в сердцах и будет храниться до тех пор, пока эти сердца бьются, то ненависть всегда мы носим на кончиках штыков». Современная хула прозы и поэзии военного времени во многом зиждется на неприятии того, что они были учебником не абстрактного гуманизма, а в вполне определенной ненависти, которая, к сожалению, не сразу вошла в сознание фронта и тыла. Как бы это странно ни звучало, но именно на искусство выпала тяжкая доля пробуждения чувства ненависти к немцам. Этого не могло быть в литературе о войне 1812 г. (вспомним толстовскую «Войну и мир») и в литературе обо всех других войнах, которые вела наша страна; более того, в них всегда присутствовало не только уважение, но и сочувствие к врагу. Так и перед Великой Отечественной войной и в первые ее месяцы ситуация была парадоксальной: с одной стороны, было ясно, что немцы ведут войну на тотальное уничтожение не только евреев и цыган. Немцы образца 1941 г., возомнившие себя «сверхчеловеками», вступили на нашу землю, не имели других чувств, кроме жадности властвования и крови. Но, с другой стороны, советские люди уже более десяти лет жили в идеологическом плену пацифистского интернационализма, сохранив лишь рудименты «классовой ненависти». Поэтому в первые месяцы войны даже в действующей армии сохранялись иллюзии по поводу истинных настроений немцев.

Через 20 лет после окончания войны Д.А. Гранин писал в «Прекрасной Уте»: «Одна знакомая двадцатилетняя девушка, случайно прочитав военные статьи Эренбурга, была возмущена — как так можно писать о немцах: Немцы не люди... отныне слово „немец“ для нас самое страшное проклятие... Нельзя стерпеть немцев. Нельзя стерпеть этих олухов с рыбьими глазами, которые презрительно фыркают на все русское... Как ему не стыдно! Как не стыдно перед немцами. Так обзывать народ, нацию». Она говорила это в 1966 г. А Эренбург писал в 1942 г., в августе, когда немцы шли на Сталинград, наступали на Северном Кавказе. Я помню, как нужны нам были статьи Эренбурга, ненависть была нашим подспорьем, а иначе чем было еще выстоять. Мы не могли позволить себе роскошь разделить немцев на фашистов и просто мобилизованных солдат, шинели на них были одинаковые и автоматы. Это потом, в сорок четвертом, сорок пятом, стали подправлять, корректировать, разъяснять, и то мы не очень-то хотели вникать. А тогда было так. Были стихи Симонова «Убей его!» и стихи Суркова, статьи Толстого, Шолохова, Гроссмана — никогда литература так не действовала на меня ни до, ни после. Самые великие произведения классиков не помогли мне так, как эти, не бог весть какие, стихи и очерки. Сейчас это могут еще подтвердить бывшие солдаты и солдатки, с годами это смогут объяснить лишь литературоведы. Ах, неужели сегодня кому-то наши чувства могут показаться заблуждением?». Могут, да еще как! Могут те, кто не хочет понять сказанное в «Василии Теркине»: «*Бой идет святой и правый. / Смертный бой не ради славы, / Ради жизни на земле*». И именно поэтому появился замечательный плакат Марии Нестеровой-Берзиной «Папа, убей немца!» и стихотворение

К.М. Симонова, о котором писал Д.А. Гранин: *«Если ты не хочешь отдать / Немцу с черным его ружьем / Дом, где жил ты, жену и мать, / Все, что родиной мы зовем,— / Знай: никто ее не спасет, / Если ты ее не спасешь, / Знай: никто его не убьет, Если ты его не убьешь. / И пока его не убил, / Ты молчи о своей любви, / Край, где рос ты, и дом, где жил, / Своей родиной не зови... / Так убей же немца, чтоб он, / А не ты на земле лежал, / Не в твоём доме чтобы стон, / А в его по мертвым стоял. / Так хотел он, его вина. / Пусть горит его дом, а не твой, / И пускай не твоя жена, / А его пусть будет вдовой. / Пусть заплачется не твоя, / А его родившая мать, / Не твоя, а его семья / Понапрасну пусть будет ждать. / Так убей же хоть одного! / Так убей же его скорей! / Сколько раз увидишь его, / Столько раз его и убей!».*

«Европейца» И.Г. Эренбурга подвигли, по его словам, на написание статьи «Убей» перехваченные письма немецких солдат и офицеров. «Мы поняли, — писал И.Г. Эренбург, — немцы не люди. Отныне слово “немец” для нас самое страшное проклятье. Отныне слово “немец” разряжает ружье...».

Позднее, в своих «оттепельных» беллетризованных мемуарах И.Г. Эренбург писал: «В начале войны у наших бойцов не только не было ненависти к врагу, в них жило некоторое уважение к немцам, связанное с преклонением перед внешней культурой. Это тоже было результатом воспитания. <...> Помню тяжелый разговор на переднем крае с артиллеристами. Командир батареи получил приказ открыть огонь по шоссе. Бойцы не двинулись с места. Я вышел из себя, назвал их трусами. Один мне ответил: «Нельзя только и делать, что палить по дороге, а потом отходить, нужно подпустить немцев поближе, попытаться объяснить им, что пора образумиться, восстать против Гитлера, и мы им в этом поможем». Другие сочувственно поддакивали. Молодой и на вид смысленный паренек говорил: “А в кого мы стреляем? В рабочих и крестьян. Они считают, что мы против них, мы им не даем выхода...” Конечно, самым страшным было в те месяцы превосходство немецкой военной техники: красноармейцы с “бутылками” шли на танки. Но меня не менее страшили благодушие, наивность, растерянность... Я знал, что мой долг показать подлинное лицо фашистского солдата, который отменной ручкой записывает в красивую тетрадку кровожадный, суеверный вздор о своем расовом превосходстве, вещи бесстыдные, грязные и свирепые, способные смутить любого дикаря. Я должен был предупредить наших бойцов, что тщетно рассчитывать на классовую солидарность немецких рабочих, на то, что у солдат Гитлера заговорит совесть, не время искать в наступающей вражеской армии «добрых немцев», отдавая на смерть наши города и села. Я писал: “Убей немца!”».

О том, кем был пришедший на нашу землю немец, ярче армейских политработников сказали наши писатели и поэты, наши композиторы и деятели кино, наши художники и фотографы — наша культура. Так, после публикации в 1942 г. в газете «Правда» очерка П.А. Лидова «Таня» и (в том же году) поэмы М.И. Алигер «Зоя» о подвиге тогда еще никому неизвестной партизанки З.А. Космодемьянской, в 1944 г. вышел фильм огромного эмоционального напряжения «Зоя» (режиссер Л.О. Арнштам) с ключевой темой — «Смерть немецким оккупантам! Победа будет за нами!». «Я стреляю — и нет справедливости, / Справедливее пули моей!» — писал в стихотворении «Итальянец» М.А. Светлов.

Искусство кино и театра

Искусство кино, единственно способное создавать зримый образ движения и наряду с этим спрессовывать драмы и трагедии больших масс людей в десятки минут просмотрного времени; искусство кино, единственно способное быть хроникером частных случаев (документальное кино) и в то же время создавать придуманное, раскрывающее смысл действительного (художественное кино), — это искусство предстало в военное время во всем своем запятнанном кровью блеске. Искусство военного кино — тяжелое бремя. В первые же месяцы войны во фронтовых киногруппах трудились 130 кинооператоров. Снятые ими хроники вошли в состав первых киносборников, встреченных на фронтах и в тылу с огромным интересом, — *показывали* войну. Из этих материалов только в 1942 г. были смонтированы шедевры кинодокументалистики — «Разгром немецких войск под Москвой» (16 операторов, режиссеры Л. Варламов и И.П. Копалин, премия «Оскар» в 1943 г.), «Ленинград в борьбе» (22 оператора, режиссер Р.Л. Кармен) и «День войны» (160 операторов, режиссер М.Я. Слущкий). В следующем году режиссеры А.П. Довженко, Ю.И. Солнцева и Я.П. Авдеенко представляют фильм «За нашу Советскую Украину» (24 оператора), режиссер В.Н. Беляев — фильм «Народные мстители» (16 операторов), режиссер Л. Варламов — фильм «Сталинград» (15 операторов). В 1945 г. съемками одного из последних военно-хроникальных фильмов «Берлин» руководил Ю.Я. Райзман (39 операторов). А всего на полях сражений и в тылу врага было отснято около 5 млн метров киноплёнки (ценнейшее сокровище киноискусства и всей страны), на экраны вышли снятые «по горячим следам» 400 номеров «Союзкиножурнала», 65 номеров «Новости дня», более сотни документальных фильмов¹⁶.

В 1941–1942 г. был опыт соединения хроники и игрового кино в «Боевых киносборниках». На экраны страны вышла дюжина таких сборников, и в них снимались выдающиеся артисты. Например, в «Боевом киносборнике» № 7, появившемся в кинотеатрах в декабре 1941 г., от начала до конца действовал популярный в СССР того времени бравый солдат Швейк, создавший интернациональную подпольную группу в немецком концлагере (о реальном ужасе таких лагерей тогда, разумеется, еще никто не знал). Играли в этом фильме звезды довоенного театра и кино Э.П. Гарин, И.А. Любезнов, С.А. Мартинсон, Н.П. Охлопков и М.М. Яшин. В начале войны был срочно доснят и выпущен на экраны фильм И.А. Пырьева «Свинарка и пастух». Комедийные фильмы были в то время необходимым средством ухода от трагедийной реальности, и одним из них стал снятый в 1942 г. режиссером К.К. Юдиным — «Антоша Рыбкин» о подвигах фронтového повара (главные роли играли Б.П. Чирков и М.А. Ладынина). Как выяснилось много позднее, в основе этой невероятной, но очень жизнеутверждающей истории лежали реальные события. Позже появились любимые до сих пор фильмы «Воздушный извозчик», «Два бойца», «В шесть часов вечера после войны».

¹⁶ Кино. Энциклопедический словарь / гл. ред. С.И. Юткевич. М.: Советская энциклопедия, 1986. С. 366–367.

По мере осознания невероятной сложности и драматичности войны искусство кино военного времени разрабатывало новые темы, сюжеты которых при всей их трагедийности оставляли чувства надежды и обязательной победы. Таким был снятый И.А. Пырьевым в 1942 г. фильм «Секретарь обкома» о сложнейшей обстановке создания и действия партизанских отрядов в глубоком тылу врага. В том же 1942 г. Ю.А. Райзман снимает по сценарию Е.И. Габриловича один из самых лиричных фильмов военного времени — «Машенька» — о любовной драме на ставшей такой далекой финской войне. В 1943 г. партизанская тема была продолжена в фильмах Ф.М. Эрлера — «Она защищает Родину», М.С. Донского — «Радуга».

Киноискусство победы не боялось трагедийности, но и не создавало ощущения безысходности, свойственного многим постперестроечным фильмам¹⁷.

Была насыщенной и театральная жизнь. Кроме известных театральных коллективов, продолжавших играть пьесы классического, довоенного и советского репертуара, работали 23 фронтовых театра, в действующих частях постоянно выступали фронтовые бригады, сформированные из лучших актеров страны. Фронтовые филиалы «гражданских» театров возглавляли А.А. Гончаров, Д.Н. Орлов, Н.К. Черкасов и другие не менее известные люди советского театра. Фронтовыми бригадами руководили А.Д. Дикий, Ю.А. Завадский, С.М. Михозелс, а участниками были О.Н. Андровская, Е.Н. Гоголева, А.П. Зуева, А.А. Остужев, М.И. Прудкин, П.М. Садовский, А.К. Тарасова, И.В. Ильинский, Е.Д. Турчанинова, М.И. Царев, В.А. Сперантова, Ю.В. Толубеев и другие великие актеры, увидеть которых в нефронтовой обстановке, вероятно, удалось бы немногим. Всего же за годы войны на фронте артисты дали много тысяч представлений, из них каждое второе — на передовой.

Театр, так же как все искусство того времени, осваивал военную тематику. Новые пьесы шли одновременно в нескольких театрах; сошедшая со страниц «Правды» знаменитая пьеса А.Е. Корнейчука «Фронт» была столь блистательно поставлена вахтанговцами (режиссер Р.Н. Симонов), что исполнение одной из главных ролей А.Д. Диким породило общепонятное тогда выражение «горловщина». Великолепно была поставлена пьеса К.М. Симонова «Русские люди» (режиссеры Н.П. Хмелев, М.О. Кнебель и В.Я. Станицын) во МХАТе. Долгие годы не сходили со сцены остроконфликтные «Офицер флота» А.А. Крона, «Сталинградцы» Ю.П. Чепурина, «Давным давно» А.К. Гладкова (после войны по этой пьесе был снят популярный до сих пор фильм «Гусарская баллада») и другие спектакли, при сохранении, повторю, классического репертуара.

Следует заметить, что военное время стало периодом и необычайно энергичного подъема театральной жизни в столицах союзных республик и городах РСФСР, далеких от линии фронта¹⁸.

¹⁷ Там же. С. 67, 131, 243, 336–337, 342, 356–357, 362–363, 409, 509, 511–512, 516.

¹⁸ Театр драматический / Большая Советская энциклопедия. 3 изд. М.: Сов. энциклопедия, 1977. Т. 24 (2). С. 710–712; История советского драматического театра. М.: Наука, 1969. Т. 5. 390 с.

Лирика и песни военных лет

Самое первое из явлений культуры военного времени, о котором сразу же вспоминают практически все, — стихи и песни. И заслуженно: ни одна из воевавших стран по обе стороны океанов в это время не создала ничего подобного — ни Германия, ни Великобритания, ни Япония, ни США. Английский журналист А. Верт, написавший по собственным впечатлениям известную у нас книгу «Россия в войне 1941–1945 гг.», заметил: «Россия, пожалуй, единственная страна, где стихи читают миллионы людей, и таких поэтов, как Симонов и Сурков, читал во время войны буквально каждый»¹⁹. И удивляться этому нечего. Лирика военных лет была не только естественным выдохом человеческой души, но и наиболее правдивым выражением ее состояния. В одном из лучших стихотворений русской поэзии совсем еще молодой С.П. Гудзенко писал об этой чудовищной правде: *«Когда на смерть идут — поют, / а перед этим можно плакать. / Ведь самый страшный час в бою — / час ожидания атаки. / Снег минами изрыт вокруг / и почернел от пыли минной. / Разрыв. И умирает друг / И, значит, смерть проходит мимо. / Сейчас настанет мой черед. / За мной одним идет охота. / Будь проклят сорок первый год / и вмерзшая в снега пехота. / Мне кажется, что я магнит, / что я притягиваю мины. / Разрыв. И лейтенант хрипит. / И смерть опять проходит мимо. / Но мы уже не в силах ждать. / И нас ведет через траншеи / окопавшаяся вражда, / штыком дырявящая шеи. / Бой был коротким. А потом / глушили водку ледяную / и выковыривал ножом / из-под ногтей я кровь чужую».*

Жизнь и смерть на войне — смерть почти обыденная и невероятно частая — лейтмотив великой поэмы А.Т. Твардовского «Василий Теркин» (перечитайте хотя бы главу «Переправа»). Не называю имена других замечательных поэтов военного времени, потому что список этот занял бы несколько страниц, а самое краткое цитирование их лучших творений составило бы целую книгу²⁰.

Песня военных лет — отдельная и знаменательная составляющая советского искусства — самый распространенный и популярный до сих пор жанр музыкального творчества той поры. Впервые в истории русского искусства сформировался песенный сплав тончайшей интимной лирики и повседневного, непоказного героизма. Прекрасные песни-гимны «Священная война» А.В. Александрова на слова В.И. Лебедева-Кумача и «Марш артиллеристов» Т.Н. Хренникова на слова В.М. Гусева были замечательным, но почти единственным исключением из этого правила. Массовая и любимая песня военных лет проста, безыскусна, мелодична и написана на замечательные стихотворные тексты.

Песни военных лет, ставшие частью фронтового и тылового быта, были, как правило, созданы известными композиторами и поэтами. Так, песню «Ой, туманы мои, растуманы» о партизанах смоленщины написал В.Г. Захаров на слова М.В. Исаковского, «Заветный камень» — В.А. Мокроусов на слова А.А. Жарова, «Моя Москва» — И.О. Дунаевский на слова М.С. Лисянского и С.И. Аграняна, «В лесу прифронтовом» — М.И. Блантер на слова М.В. Исаковского, «Прощайте,

¹⁹ Верт А. Россия в войне 1941–1945 // М.: Прогресс, 1967. С. 299.

²⁰ Лирика военных лет. Стихи советских поэтов (1941–1945). М.: Издательство МГУ, 1985. 320 с.

скальные горы» — Е.Э. Жарковский на слова Н.И. Букина. Самыми популярными песнями, которые, по-видимому, знали практически все, были непритязательные «Катюша» М.И. Блантера на слова М.В. Исаковского. (существовало множество вариантов этого текста), «Синий платочек» Ежи Петербургского на слова Якова Галицкого и Михаила Максимова и «Огонек» не установленного автора на слова М.В. Исаковского. Именно во время Великой Отечественной войны окончательно утвердился круг классических композиторов-песенников, примером которых стали пользовавшиеся заслуженной славой А.Г. Новиков и В.П. Соловьев-Седой. Мелодический дар этих композиторов и их нескольких коллег был непревзойденным до тех пор, пока не появились имена А.Н. Пахмутовой и других гениальных детей военного времени.

Великие песни великих лет звучали в исполнении лучших артистов страны по Всесоюзному радио (в том числе по заявкам солдат и партизан) и непосредственно перед бойцами и госпиталями, а после открытия Апрелевского завода грампластинок, они были записаны в лучшем исполнении и разошлись большими тиражами по блиндажам и тыловому жилью²¹.

Не следует забывать и о том, сколько песен складывалось самими солдатами и офицерами нашей армии, партизанами, гражданским населением тыла и прифронтовой полосы²². Феномен популярности таких песен — произведений распространенной фронтовой и партизанской художественной самодеятельности, народного творчества и ряда стихотворений советских поэтов, прочно вошедших в устно-поэтический репертуар периода Великой Отечественной войны, — к счастью, был своевременно исследован нашими этнографами²³.

Классическая музыка военных лет

Было бы наивно думать, что во время Великой Отечественной войны писали и распевали только песни. Напомню о том, что в это время композиторы продолжали создавать оперы и балеты, симфонии и концерты, сонаты и другие произведения классических жанров не только в Москве и в далеких от линии фронта крупных городах, но и в осажденном Ленинграде²⁴.

Развивалась филармоническая деятельность, и, например, в Москве только в один день — 1 февраля 1942 г. — состоялось 16 концертов, на которых присутствовали тысячи москвичей. В филармонических концертах звучали лучшие голоса страны. Пели С.Я. Лемешев, Н.А. Обухова, И.С. Козловский Н.Л. Дорлиак, Н.А. Казанцева, М.П. Максакова, Н.П. Рождественская, Н.Д. Шпиллер. Выступали выдающиеся исполнители — пианисты Г.Р. Гинзбург, К.Н. Игумнов,

²¹ Друзья-однополчане. О песнях, рожденных войной. М.: Воениздат, 254 с.

²² О родине, о мужестве, о славе. Стихи и песни фронтовиков дней Великой Отечественной войны. М.: Сов. Россия, 1975. 398 с.

²³ Крупянская В.Ю., Минц С.И. Материалы по истории песни Великой Отечественной войны. М.: Изд АН СССР, 1953. 211 с. Каждая песня, включенная в этот сборник, сопровождалась сведениями о том, где, когда, в каких условиях она была создана и как распространялась.

²⁴ Богданов-Бельский В. Композиторы осажденного Ленинграда // Советская музыка, 1946, № 1. С. 13–22; Богданов-Бельский В. Симфоническое творчество ленинградских композиторов за годы Великой Отечественной войны // Советская музыка, 1946. № 5–6. С. 44–52.

Л.Н. Оборин и М.В. Юдина, скрипачи Д.Ф. Ойстрах и Л.Б. Коган, виолончелист С.Н. Кнушевицкий. Давали концерты прославленные симфонические оркестры и хоры (в том числе под управлением А.В. Александрова и А.В. Свешникова). Концертная деятельность не прекращалась ни в крупных городах страны, ни в малых городах и даже в поселках.

Выдающиеся музыканты несли классическое искусство бойцам нашей армии. В тысячах концертов звучала не только популярная песня в исполнении Л.А. Руслановой, Л.О. Утесова, К.И. Шульженко и других замечательных артистов этого жанра, но и арии в исполнении В.В. Барсовой и М.Д. Михайлова, скрипичные пьесы в исполнении Г.В. Бариновой и Д.Ф. Ойстраха, фортепианные — Э.Г. Гилельса и В.В. Софроницкого (перечень имен, конечно, неполный).

Были примеры и иного, трагического вхождения людей искусства в самое пекло войны. Такой была судьба музыкантов Государственного духового оркестра СССР (одного из всего двух государственных оркестров страны того времени; первым был — симфонический), созданного в 1937 г. и возглавляемого профессором консерватории, замечательным тромбонистом, дирижером и композитором В.М. Блажевичем. В первые дни войны все оркестранты (почти сто человек) записались в народное ополчение и через три месяца погибли в боях у Вязьмы. Сейчас у деревни Кайдаково на Поле памяти установлен памятный знак, но, если о судьбе киевских футболистов, игравших с немецкими оккупантами, снят фильм, то о подвиге ста консерваторских ополченцев знают постыдно мало²⁵.

В воюющей стране писали музыку, которую принято называть классической, десятки композиторов, но я назову имена только трех из них. Первый — патриарх русской советской музыкальной культуры — Н.Я. Мясковский, которому в 1941 г. присудили Сталинскую премию первой степени за 21-ю симфонию-элегию, заслуженно получившую мировое признание. В первые дни войны он напишет два марша для духового оркестра, а затем — три Патриотических симфонии, музыку которых современники справедливо называли мудрой, страстной, лиричной и самоуглубленной, кантату на стихи Н.С. Тихонова, сонатину, песню и рапсодию для фортепиано, 8-й и 9-й струнные квартеты и концерт для виолончели с оркестром, впервые сыгранный великим виолончелистом С.Н. Кнушевицким, а затем и М.Л. Растроповичем, считавшим этот концерт одним из лучших в виолончельном репертуаре²⁶.

Второй титан русской музыки — С.С. Прокофьев — в самом начале войны (1941 г.) создает трехчастную симфоническую сюиту для большого оркестра, а в последующие военные годы — музыку балета «Золушка» и гигантской оперы-фрески «Война и мир» (вторая редакция — после войны), роскошную 5-ю симфонию, четырехчастную сюиту для флейты и фортепьяно, 8-ю фортепианную

²⁵ В первичном освещении трагедии «Трубачи. Пропавший оркестр» немалую роль сыграли журналисты «Вечерней Москвы» (в том числе и в публикациях мая 2015 г.). В конце апреля 2015 г. в Государственном училище духового искусства прошла научная конференция и круглый стол «В поисках забытого оркестра».

²⁶ *Ливанова Т.Н.* Н.Я. Мясковский. Творческий путь. М.: Государственное музыкальное изд-во, 1953. 405 с.; *Кунин Ф.Н.* Мясковский. Жизнь и творчество в письмах, воспоминаниях, критических отзывах. М.: Советский композитор, 1981. 192 с.

сонату и музыку для фильмов «Лермонтов», «Котовский», «Партизаны в степях Украины» и «Иван Грозный». А в 1945 г. Прокофьев пишет изысканную «Оду на окончание войны» для 4-х арф, 4-х фортепиано, оркестра духовых и ударных инструментов и контрабасов²⁷. Это ли не искусство победы?

Наконец, несколько слов о Д.Д. Шостаковиче — великом явлении великой русской культуры. О его знаменитой седьмой симфонии, прозвучавшей в исполнении собранных в блокадном Ленинграде музыкантов, а затем в Москве и в концертных залах всего мира, казалось бы, сказано (написано) все, а ритмика ее барабанного «нашествия» у всех на слуху. Но Д.Д. Шостакович в годы войны пишет и другую, не менее чудесную музыку, словно утверждая: жизнь — трагична, но и вечна, искусство — непобеждаемо. В 1942 г. создаются 2-я соната для фортепиано и 6 романсов для голоса на стихи Р. Бернса, В. Шекспира и других английских поэтов в переводе С.Я. Маршака. В 1943 г. написана музыка к кинофильму «Зоя» и 8-я симфония — музыкальная кульминация смятенных человеческих чувств с невероятно быстрой сменой темпов и звучностей (от шелестящих пианиссимо до гроыхающих фортиссимо), с раскрытием всех возможностей каждого инструмента, с еще более выразительной, чем в 7-й симфонии, темой «нашествия» (аллегретто 3-й части) и с нежнейшей (фагот, скрипки, флейта) финальной частью, которая вспоминается каждый раз при прослушивании финала его последней 15-й симфонии. В 1944 г. композитор пишет одно из самых трагических произведений русской музыки — трио для фортепиано, скрипки и виолончели, посвященное памяти его друга И.И. Соллертинского, и 2-й квартет — пиршество мелодических и лирических вариаций (вторая часть — «Романс», третья — «Вальс»). И наконец, в начале 1945 г. Д.Д. Шостакович пишет «Детскую тетрадь»²⁸. Все это не может быть создано в предчувствии национальной гибели: это — искусство победы.

Изобразительное искусство военного времени

С началом войны художники всех республик СССР включились в реальное противоборство с оккупантами. Быстрые зарисовки фронтовых будней, печатавшиеся в разных газетах и на листовках, в будущем стали основой книжной иллюстрации и станковой живописи. Особым жанром, возродившим традиции Окна РОСТА, стали политический и военный плакат, а также регулярно появлявшиеся «Окна ТАСС». В их выпуске принимали участие известные художники и поэты, в их числе — Кукрыниксы (М.В. Куприянов, П.Н. Крылов и

²⁷ Мендельсон-Прокофьева М.А. О С.С. Прокофьеве. Воспоминания. Дневники (1938–1967). М.: Композитор, 2012. 632 с.; Мартынов И. Сергей Прокофьев. Жизнь и творчество. М.: Музыка, 1974. 560 с.; Сергей Прокофьев. Статьи и материалы. М.: Музыка, 1965. 374 с.; Розинер Ф. Сергей Прокофьев. Токката жизни. М.: Молодая гвардия, 1978. 208 с.

²⁸ Д. Шостакович. Статьи и материалы. М.: Советский композитор, 1976. 336 с. При том, что литература о Д.Д. Шостаковиче обилием не намного уступает записям его великих творений, названный сборник надгробных речей и воспоминаний знаменитых музыкантов второй половины XX в. о только что умершем гении показался мне самым концентрированным и профессиональным изложением того, чем было искусство Д.Д. Шостаковича и почему оно навечно останется классикой русской музыкальной культуры.

Н.А. Соколов), В.Н. Дени, Д. Моор, Д.А. Шмаринов, И. Тоидзе, П.П. Соколов-Скала, В.Б. Корецкий, С.Я. Маршак, С.В. Михалков, В.И. Лебедев-Кумач. Работали очень быстро, используя чистые краски и трафареты. Важнейшим оружием «Окон» стала беспощадная карикатура, в чем преуспели те же Кукрыниксы, М.М. Черемных и Б.Е. Ефимов. Вспоминается их шарж (1943 г.) «Потеряла я колечко... (а в колечке 22 дивизии)», отразивший окружение и разгром немцев под Сталинградом. Вообще, разящее и одновременно вызывающее улыбку искусство карикатуры оказалось к месту в любой обстановке. В блокадном Ленинграде выпускался литографированный «Боевой карандаш», а Политуправлением Западного фронта выпускался журнал «Фронтной юмор» со стихами С.Я. Маршака и рисунками В.Н. Горяева и В.В. Лебедева.

С конца 1942 г. наши художники начали активно разрабатывать военную тему в станковой графике. Огромный массив фронтовых зарисовок (портреты, военные и бытовые сцены, городской пейзаж с огромными разрушениями, фронтовые дороги, военная техника) стал переходить в знаменитые литографии Г.С. Верейского, которому принадлежит и уникальная серия выполненных в блокадном Ленинграде литографических портретов Героев Советского Союза, а затем и его современников — деятелей советской науки и культуры. Фронтовые зарисовки перешли в гравюры и гуаши и других известных художников. В 1942 г. была создана графическая (уголь, черная акварель) серия Д.А. Шмаринова «Не забудем, не простим!» — художественное свидетельство того, что оставляли немцы в освобожденных от них городах и селах. Еще одним художественным свидетельством трагедии и мужества наших людей стала большая (более чем из трех десятков автолитографий) серия «Ленинград в дни блокады и освобождения» блокадного художника А.Ф. Пахомова; в первые послевоенные годы лист из этой серии — «На Неву за водой» стал предметом одного из наших школьных сочинений. Но опять же запечатленная в графике военных лет трагедия порождала у зрителя все, кроме ужаса перед возможным поражением. Свообразным подтверждением этого могут служить лучащиеся оптимизмом и даже юмором графические серии Л.В. Сойфертиса «Севастополь» (1941–1942), «Крым» (1942–1943), «Кавказ» (1943–1944).

В станковой живописи первых лет войны преобладал портрет. Даже цветистый и размашистый П.П. Кончаловский привнес в свои портреты этого времени определенную суровость, что особенно заметно на его известном «Автопортрете» (1943). Удивительны написанные М. Сарьяном портреты академика И.А. Орбели, (1943), композитора А. И. Хачатуряна, поэта и переводчика «Божественной Комедии» М. Лозинского (все — 1944 г.) и портрет искусствоведа Н.Н. Пунина кисти В.М. Орешникова (1944).

Военная живопись тех лет — это, конечно же, картины боли и утрат. В первые годы войны В.К. Бялыницкий-Бируля пишет «По следам фашистских варваров», В.А. Серов — «Расстрел», Г.Г. Ряжский — «В рабство», Кукрыниксы — «Таня», Т.Г. Гапоненко — «После изгнания фашистских оккупантов», «грековец» П.А. Кривоногов — «В Волоколамске» и «Зверства фашистских войск в Речицах» и новый «апофеоз войны» — картину «В Корсунь-Шевченковском». Удивительно красноречивы печальные пейзажи военных лет, например «Фронтная дорога» (1943 г.) и «Следы шин» (1944 г.) Ю.И. Пименова.

Крупнейшие мастера советской живописи создавали образ воюющей страны во всех его проявлениях и писали картины огромного эмоционального воздействия. А.А. Дейнека пишет знаменитую «Оборону Севастополя» и картины «Окраина Москвы. Ноябрь 1941 г.», «Сгоревшая деревня» (1942 г.), «Сбитый ас» (1943 г.), «Парашютный десант на Днепре» (1944 г.), — полотна, соединившие выразительную монументальность и динамичность композиционных решений, благородный колорит и чёткий рисунок. В 1943 г. А.А. Пластов пишет одну из трагичнейших картин военного времени — «Фашист пролетел», а С.В. Герасимов — «Мать партизана». В годы Великой Отечественной войны П.Д. Корин создает замечательный триптих «Александр Невский» и мозаичные панно для Московской кольцевой станции «Комсомольская» — лучшие иллюстрации к образу победившей России. Образ России в Великой Отечественной войне будет создаваться и в послевоенном изобразительном искусстве; тогда будут созданы такие картины как «Конец» (Кукрыниксы, 1947–1948 гг.), «Письмо с фронта» А.И. Лактионова, «Отдых после боя. Василий Теркин» Ю.М. Непринцева и «Москва военная» А.А. Дейнеки, поразительные полотна Г.М. Коржева.

Говоря об изобразительном искусстве в годы Великой Отечественной войны нельзя не вспомнить о работах созданной ещё в середине 30-х гг. прошлого века студии военных художников (живописцев, графиков, скульпторов) им. М.Б. Грекова, среди которых наиболее известными были Е.В. Вучетич, И.В. Евстигнеев, П.Т. Мальцев, Н.Н. Жуков, М.И. Самсонов, члены Российской академии художеств, заслуженные художники России. «Грековцам» принадлежат не только сотни первоклассных работ, запечатлевших бои и ратные будни нашей армии (в том числе написанных непосредственно на полях сражений), но и воссоздание панорамы Ф. Рубо «Бородинская битва», создание огромных живописных панорам «Перекоп», «Сталинградская битва», «Плевненская эпопея», а также диарамы для Центрального музея Великой Отечественной войны на Поклонной горе.

Такого подъема национальной культуры не было ранее и больше не будет

«Искусство победы» — огромная и пока еще полностью не осмысленная часть нашей истории, значимость которой в условиях набирающих силу информационной и пока еще холодной войны нельзя недооценивать. Давно следовало бы организовать передвижную полномасштабную выставку созданного во время Великой Отечественной войны художниками и скульпторами, фронтовыми кинооператорами и фотокорреспондентами. Самое время издать многотомное собрание фронтовой публицистики, корреспонденций, стихов и прозы той поры для бесплатного распространения в школах, университетах и библиотеках всех уровней. Да и в перечень обязательного чтения школьников нужно было бы включить шедевры военной прозы и поэзии. В Москве и в других городах-героях пора проводить бесплатные сеансы показа документальных и художественных фильмов военного и послевоенного времени. Не менее полезными могли бы стать масштабные телевизионные фестивали и конкурсы неискаженной песни военных лет с приданием этим полезнейшим зрелищам статуса не ниже, чем у «Голоса».

Некоторый опыт такого рода уже есть. Так, в юбилейном году в Центральном административном округе г. Москвы по инициативе генерального директора Центральной библиотечной системы этого округа М.В. Левитовой было решено устроить передвижную по 15 библиотекам округа выставку книг, изданных в военную пору и собранных из разных библиотек. Первая из этих выставок открылась в феврале в библиотеке им. Н.Г. Чернышевского, и куратором этой выставки — главным библиотекарем — Е.М. Арлановой сделано все, чтобы не только восхитить посетителей подвигом журналистов, писателей и книгоиздателей, но и рассеять множество небылиц о том, чем и как жила страна, воевавшая с армиями почти всей Европы. На прекрасно выполненных баннерах, каждый из которых посвящен событиям определенного месяца (например, июня 1941, 1942, 1943, 1944 и 1945 гг.), можно было прочитать удивительные вещи. Так, 12 июля 1941 г. в цирке-шапито в Парке культуры и отдыха состоялась премьера большого циркового представления, а 28 июля этого же года на фронт отправилась бригада московских артистов. В августе 1941 г. радиокомитет организовал передачу первого концерта английской музыки, в августе 1942 г. на фронт с новой программой отправился оркестр под управлением Л.О. Утесова, в августе 1943 г. в журнале «Октябрь» началось печатание повести М.М. Зощенко «Перед восходом солнца», в августе 1944 г. в выставочном зале Московского общества художников открылась выставка пейзажа... Страна в самые тяжелые дни войны не впала в культурную кому, и наше искусство с первого дня войны было искусством победы.

Думаю, что феноменальный взлет советского искусства (а я не назвал и той доли подтверждений этого) так же, как и наша Победа в Великой Отечественной войне, были не чудом, а *естественным результатом отношения советских людей к своей стране и к своему будущему, которое они связывали с судьбой собственной страны*. Нельзя из-под «идеологической палки» написать ни музыку к балету «Золушка», ни песню «В лесу прифронтовом», ни стихи «Жди меня». Культура Великой Отечественной войны была свободно выбранным подвигом. Об этом замечательно сказала О.Ф. Берггольц: *«В грязи, во мраке, в голоде, в печали, / Где смерть, как тень, тащилась по пятам, / Такими мы счастливыми бывали, / Такой свободой бурною дышали, / Что внуки позавидовали б нам»*. Д.Д. Шостакович писал, что такого подъема культуры, который был во время войны, ранее никогда не было²⁹. С горечью добавлю к этому, что во время новых испытаний такого защитника страны, каким было искусство Великой Отечественной войны, ожидать не приходится.

Список используемых источников

1. Библиотека в СССР. М.: Советская энциклопедия. 3 изд. Т. 3. 1970.
2. Бирюзов С., Батов П., Грибачев Н. Журналисты на войне. Антология. М.: Воениздат, 1966. 422 с.
3. Богданов-Бельский В. Композиторы осажденного Ленинграда // Советская музыка. 1946. № 1.

²⁹ Шостакович Д.Д. О времени и о себе. 1926–1975. М.: Советский композитор, 1980. С. 360.

4. *Богданов-Бельский В.* Симфоническое творчество ленинградских композиторов за годы Великой Отечественной войны // Советская музыка. 1946. № 5–6.
5. *Верт А.* Россия в войне 1941–1945. М.: Прогресс, 1967.
6. Военная печать / Великая Отечественная война 1941–1945 // Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1975.
7. Военные корреспонденты / Великая Отечественная война 1941–1945 // Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1975.
8. *Грабельников А.А.* Фотожурналистика Великой Отечественной войны // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия В (Литературоведение. Журналистика). 2008. № 7.
9. Друзья-однополчане. О песнях, рожденных войной. М.: Воениздат, 254 с.
10. *Д. Шостакович.* Статьи и материалы. М.: Советский композитор, 1976. 336 с.
11. История советского драматического театра. М.: Наука, 1969. Т. 5. 390 с.
12. Кино. Энциклопедический словарь / гл.ред. С.И. Юткевич. М.: Сов. энциклопедия, 1986.
13. *Корзинкин П.Д.* В редакцию не вернулся... М.: Издательство политической литературы. 2 изд. Т. 1–3, 1971–1972. 1270 с.
14. *Крупянская В.Ю., Минц С.И.* Материалы по истории песни Великой Отечественной войны. М.: Изд. АН СССР, 1953. 211 с.
15. *Кунин Ф.Н.* Мясковский. Жизнь и творчество в письмах, воспоминаниях, критических отзывах. М.: Советский композитор, 1981. 192 с.
16. *Ливанова Т.Н.* Н.Я. Мясковский. Творческий путь // М.: Государственное музыкальное изд-во, 1953. 405 с.
17. Лирика военных лет. Стихи советских поэтов (1941–1945). М.: Издательство МГУ, 1985. 320 с.
18. *Мартынов И.* Сергей Прокофьев. Жизнь и творчество. М.: Музыка, 1974. 560 с.
19. *Мендельсон-Прокофьева М.А.* О С.С. Прокофьеве. Воспоминания. Дневники (1938–1967). М.: Композитор, 2012. 632 с.
20. О родине, о мужестве, о славе. Стихи и песни фронтовиков дней Великой Отечественной войны. М.: Сов. Россия, 1975. 398 с.
21. *Ортенберг Д.* Время не властно // М.: Советский писатель, 1975. 370 с.
22. Театр драматический // Большая Советская энциклопедия. 3 изд. М.: Сов. Энциклопедия.
23. *Попов Н.П., Горохов Н.А.* Советская военная печать в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. М.: Воениздат, 1981.
24. *Розинер Ф.* Сергей Прокофьев. Токката жизни. М.: Молодая гвардия, 1978. 208 с.
25. Сергей Прокофьев. Статьи и материалы. М.: Музыка, 1965. 374 с.
26. *Шостакович Д.Д.* О времени и о себе. 1926–1975. М.: Советский композитор, 1980.